

Шэнь Тинсюань прислал ему в ответ многоточие.

Видя, что цель достигнута, Цзи Синъюнь оставил попытки отозвать сообщение и принялся бодро стучать по экрану.

— Добрый вечер! Занят?

Подождав несколько минут, он получил в ответ лишь вопросительный знак.

— Что-то случилось?

Цзи Синъюню было просто скучно, и он решил поработать над своим образом — на самом деле ничего конкретного от Шэнь Тинсюаня ему не было нужно.

Столь серьезный тон собеседника заставил его слегка растеряться.

Он наобум напечатал:

— Да просто скучно стало, захотелось с кем-нибудь поболтать.

Затем отправил стикер с котиком, который подглядывает из-за угла, помедлил и добавил:

— Телефон очень удобный, спасибо!

На самом деле новый телефон так и лежал в рюкзаке, даже не распакованный.

— Рад, что тебе нравится.

Цзи Синъюнь долго ломал голову, пытаясь придумать, как продолжить беседу, но так ничего и не вышло. В итоге он отправил стикер с пожеланием спокойной ночи и закрыл приложение.

Уже неплохо.

Цзи Синъюнь утешил себя: по крайней мере, Шэнь Тинсюань теперь точно знает, что он проявляет к нему интерес.

Обычные однокурсники не станут с порога заваливать друг друга до тошноты приторными подкатами.

Сегодняшняя порция «собачьей преданности» засчитана!

Цзи Синъюнь с довольным видом отложил телефон.

Следующее утро.

В особняке семьи Цзи царила тишина. Хозяева не любили, когда слуги без надобности слонялись по дому, боясь потревожить покой младшего господина, который еще учился в старшей школе. Даже повар готовил завтрак в отдельном флигеле, а затем легкие на ногу слуги бесшумно приносили блюда в дом.

Во дворе садовник подрезал цветы, распусившиеся в самый разгар сезона. Это был двадцативосьмилетний бета. Он окончил магистратуру по специальности ландшафтного дизайнера с отличием и имел блестящие перспективы, но предпочел стать скромным садовником

в особняке Цзи. Причина была прозаична: работодатель платил столько, что отказаться было невозможно. Разве не об этом мечтает каждый работяга — найти работу с высокой зарплатой и минимумом усилий?

Он срезал несколько самых свежих бутонов, планируя поставить их в вазу для украшения гостиной, как вдруг увидел, что из дома вихрем вылетел младший господин, на ходу дожевывая кусок хлеба.

Тот проглотил его на бегу, губы его чуть шевелились, словно он что-то бормотал себе под нос.

Юноша был худощав, в своей свободной, опрятной школьной форме он казался совсем хрупким, а из-под ворота виднелась полоска белой, тонкой шеи. Мягкие пряди волос подрагивали при каждом шаге, а в глазах, казалось, отражались все краски утреннего пейзажа.

Очарованный этим мимолетным видением, садовник замер на месте. Ножницы в его руке дрогнули, лезвие случайно полоснуло по нежному лепестку, и выступивший красный сок был точь-в-точь как цвет губ юноши.

Омегу такой красоты встретишь нечасто. Неудивительно, что вся семья оберегает его, как зеницу ока, подстраивая под него даже распорядок дня, лишь бы он не испытал ни малейшего неудобства.

Такой омега создан, чтобы его носили на руках и лелеяли.

Только вот...

Садовник тряхнул головой, чувствуя себя немного рассеянным.

Разве младший господин всегда выглядел так? Кажется, черты лица те же, но воспоминания о том, каким он был раньше, постепенно тускнели, вытесняясь этим новым, почти сказочным обликом.

Стройная фигура юноши скрылась из виду, и следом раздался резкий рев завоющего мотора.

Сидя в машине, Цзи Синъюнь пил воду. Он слишком поспешно проглотил тот кусок хлеба и чуть не задохнулся, едва не отправившись на тот свет прямо на месте.

Сегодня утром Цзи Синъюня разбудил будильник «от Системы». Этот пронзительный гул, казалось, прошивал насквозь, отдаваясь в мозгу с такой силой, что любой сон улетучился бы мгновенно.

Даже несмотря на то, что Цзи Синъюнь торопился изо всех сил, когда он добрался до класса, утренняя самоподготовка уже закончилась.

Старосты собирали домашние задания. Многие ученики, отчаянно пытаясь выжать максимум из оставшихся десяти минут, строчили как сумасшедшие, чтобы успеть списать все задания — почерк при этом выходил такой, что они и сами вряд ли смогли бы его разобрать. По классу летали листки бумаги и тетради.

Вернув зонт Линь Цы, Цзи Синъюнь сел на свое место, обняв рюкзак, и погрузился в глубокие

раздумья. Он не заметил, как с того момента, как он вошел, на нем то и дело останавливались любопытные взгляды, которые отводились лишь спустя долгое время.

Цзи Синъюнь пристроил пустой рюкзак, моргнул, и в его глазах отразилось искреннее недоумение.

А вчера задавали домашку?

Доска была вытерта до блеска, отражая свет, и никаких пометок на ней не осталось.

Математикой заведовала девушка с конским хвостом. Через пару минут она подошла к парте Цзи Синъюня. Она на мгновение замешкалась, глядя на пустой стол, но, сделав вид, что так и должно быть, прошла мимо. Даже не спросила — видимо, уже привыкла, что Цзи Синъюнь не сдает задания.

Пэй Цинь все еще досыпал. Утренний свет, пробивавшийся сквозь щель в шторах, ложился на его четко очерченное лицо. Красивый, мужественный профиль, но от него веяло какой-то неприступностью.

Староста нахмурилась, ее пальцы потянулись к нему, но она тут же их отдернула, в глазах мелькнуло замешательство — она не решалась его разбудить. Она невольно посмотрела на Цзи Синъюня, ища поддержки.

Этот взгляд заставил ее на секунду замереть.

Обычно старосты не испытывают симпатии к ученикам, которые постоянно прогуливают или не сдают задания, особенно к таким избалованным отпрыскам знатных семей, пользующимся привилегиями. Но юноша перед ней вызывал лишь желание оправдать его.

Ну и что, что не сдал задание?

Посмотрите на его руки, нежные, как нефрит, — разве можно заставить их сжимать жесткую ручку и писать домашку?

<http://bllate.org/book/21609/2228935>